

Чернова Г.С.

ПРОБЛЕМЫ НАРОДОЗНАНИЯ В КРИТИКЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ УКРАИНЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

К началу XIX в. в Западной Европе широкое распространение получила концепция нации и национальной культуры Г. И. Гердера, который доказывал, что человеческая цивилизация существует не в универсальных и общих для всех, а в национально-своеобразных проявлениях. Противопоставив «безличным и безжизненным» имперским культурным системам народно-этническую самобытную культуру, философ обосновал самоценность национальных языков и фольклора как форму проявления духа нации [1].

Горячий отклик идеи Гердера получили в Украине, не имевшей собственной государственности. Как и другие страны Восточной Европы, она прошла три основных этапа в развитии национального движения. соответственно три этапа можно выделить и в развитии украинского народознания. На первом, «ностальгическом», этапе небольшая украинская группа ученых собирала исторические документы, фольклор и предметы старины, чтобы сохранить хотя бы память о своем народе, который, поглощенный имперской культурой, по их опасениям, вскоре мог исчезнуть с лица Земли. Второй, «культурнический», этап, или этап «возрождения», сопровождался бурным интересом к родному языку, все более широким использованием его в литературе и образовании. Наконец, третий этап - политический: появились организации, выдвигающие национально ориентированные требования, в той или иной степени затрагивающие вопросы политического самоопределения.

Таким образом, в поиске «своей народности» Украина начала с определения неповторимых черт своего этноса, которые ученые, публицисты, писатели искали в истории, фольклоре, языке, а затем осмысливали в произведениях художественной литературы.

Первые сочинения об украинской истории стали появляться в конце XVIII в. Среди них «Короткая летопись малороссийская» (1777) В. Рубана, «Черниговского наместничества топографическое описание» (1776) О. Шафонского, «Записки о Малороссии» (1798) Я. Марковича. Вслед за этими историческими изысканиями появились и обобщающие научные исследования, среди которых наибольшее значение имел четырехтомный труд Д. Н. Бантыш-Каменского «История Малой России» (1822) и книга неизвестного автора «История руссов».

Параллельно с историческими изысканиями, как и в России, в Украине началось изучение крестьянских обычаев, традиций, верований и фольклора.

В первые десятилетия XIX в. предпринимались многочисленные этнографические экспедиции по Украине, по результатам которых составляли и публиковали сборники народного творчества. Вот как, например, историк Н. И. Костомаров повествует о годах своего студенчества, пришедших на 1830-е гг.: «Скоро я пришел к убеждению, что историю нужно изучать не только по мертвым летописям и запискам, а и в живом народе... С этой целью я начал делать этнографические экскурсии из Харькова по соседним селам, по шинкам, которые в то время были настоящими народными клубами. Я слушал речь и разговоры, записывал слова и выражения, вмешивался в беседы, расспрашивал о народном житье-бытье, записывал сообщаемые мне известия и заставлял себе петь песни. На все это я не жалел денег, и если не давал их прямо в руки, то кормил и поил своих собеседников» [2].

Поскольку украинцы были в основном крестьянским народом, богатый и живой фольклор составлял одну из наиболее ярких его достоинств. Сам Гердер был настолько очарован красотой украинских песен, что заявил: «Украина станет второй Грецией. Придет день, и пред очами изумленного мира предстанут ее прекрасное небо, жизнерадостный дух ее народа, ее естественная музыкальность, ее благодатная земля!» [1, с.78]. Адам Мицкевич выделял украинцев среди славян как «самый поэтический и музыкальный народ».

Одним из первых энтузиастов-собрателей произведений украинского народного творчества был князь Н. Цертелев. Грузин по происхождению, русский по культуре, Цертелев вырос в Украине и полюбил ее народ. В 1819 г. в Петербурге увидела свет его «Попытка собрания старых малороссийских песен». Развивая идеи Гердера, Цертелев писал в

предисловии, что эти песни представляют собой источник, по которому можно судить о «гении и духе народа» Украины, о нравах прошедших времен, и, что особенно важно, о чистоте морали «малороссов».

Более полное и систематическое исследование по украинской этнографии принадлежит М. Максимовичу, который в 1827 г. опубликовал сборник «Малороссийские народные песни». Современники высоко оценили этот сборник. О. Сомов охарактеризовал его как «труд похвальный и хорошо исполненный». С.П. Шевырев подчеркивал, что «любители и любительницы поэзии найдут в малороссийских песнях светлые мысли и теплые чувствования сердца. Поэты найдут в них источник вдохновения, а филологи пищу для своего ума наблюдательного». В.К. Кюхельбекер в дневнике писал: «Перелистывал я «Малороссийские песни, изданные Максимовичем», и нашел некоторые удивительные; между прочим, две того же содержания, какого великорусская известная «Уж как пал туман» и пр. Малороссийские мне по простоте своей еще лучше нравятся. Еще превосходнее их песня «У поле крыниченька» - не знаю ни на каком языке ничего, что бы могло сравниться с окончанием этой песни: она хватает прямо за сердце» [3]. Важно отметить, что его пристальный интерес как ученого-этнографа и любовь как человека к Украине и украинцам, традициям, обрядам и фольклору родного края ни в коей мере не носили сепаратистских или националистических признаков.

Следует отметить, что еще в годы своего студенчества Максимович сошелся с Н.И. Полевым и сотрудничал в его журнале «Московский Телеграф». Позднее его связывали тесные дружеские узы с Н.И. Надеждиным. Работа в журнале «Телескоп» и идейное влияние его издателя определили направление научной деятельности Максимовича.

Один из основоположников философской критики [4]., Надежин призывал в своих статьях и теоретических трактатах к освобождению от подражательности, т.е. «европеизма», и «развитию в русской литературе «народности» и «естественности» [5]. Эти идеи в полной мере разделял и Максимович, о чем свидетельствовала его университетская речь «О русском просвещении», произнесенная 12 января 1832 г. «Самобытность непременно должна быть уделом народа, который хочет жить плодотворной жизнью и оставить наследие грядущим поколениям. Там нет жизни, где нет самобытного развития». «Европейскую образованность» Максимович считал фундаментом, на котором следует строить свою национальную «образованность».

Сам Максимович происходил из украинской казацкой семьи, был профессором Московского университета, а в 1834 г. стал первым ректором университета Св. Владимира в Киеве. Там же Максимович продолжил свою работу по собиранию фольклора и издал еще два сборника: «Украинские народные песни» и «Голоса украинских песен» (25 напевов, положенных на ноты А. А. Алябьевым). Идея Надежина о «народности» явилась вдохновляющим фактором в фольклорно-этнографических изысканиях Максимовича и сближала его с ранними славянофилами. Максимовичу даже было предложено стать редактором славянофильского журнала «Русская Беседа». Более того, как отмечал А.Н. Пыпин, «присутствие Максимовича в славянофильском кругу было отчасти причиной, что этот старый круг относился сочувственно к самому малороссийскому движению, к которому позднейшее славянофильство было крайне недружелюбно» [6, с.22].

Другой профессор Московского университета О. Бодянский, украинец по происхождению, в 1837 г. защитил магистерскую диссертацию «О народной поэзии славянских племен», основанную на сравнительном изучении русских и украинских народных песен. Он противопоставлял казавшиеся ему унылыми и смиренными песни русского «севера» народной поэзии украинского «юга» с ее жизнерадостными мелодиями. Бодянский полагал, что как природа юга отличается от северной природы, так же должны отличаться и живущие в этих краях народы. В то же время, изучая различия славянских народов, Бодянский значительное внимание уделял поиску их общих, типологических особенностей. В этом ему оказали неоценимую помощь переведенные им же знаменитые книги Я. Шафарика «Славянское народописание» и «Древности», которые представляли собой первые целостные исследования славянства.

Согласно учению Гердера, язык является важнейшим компонентом нации: «Есть ли у нации что-нибудь дороже родного языка? В языке воплощены все сокровища ее мысли, ее традиции, ее история, религия, основы ее жизни, все ее сердце и душа. Лишить народ языка - значит лишить его единственного вечного блага» [1].

Однако в начале XIX в. единого литературного украинского языка еще не существовало. Дворяне говорили на «аристократических» языках: французском, немецком, русском. Украинский язык считался языком холопским. Более того, близкое родство украинской речи с русским языком давало повод считать ее просто одним из русских диалектов и на этом основании не ставить вопрос об отдельном от русского украинском литературном языке. Поэтому «малорусское наречие» поначалу служило иллюстративным материалом или использовалось как комическое средство. Это относится к «Энеиде» И. Котляревского - первому литературному произведению на языке украинских крестьян и мещан. Однако именно это произведение, увидевшее свет в 1798 г., положило начало и украинскому литературному языку, и новой украинской литературе.

Характерным является то, что «Энеида» написана в жанре бурлескной поэмы. В основе ее лежит знаменитая «Энеида» римского поэта Вергилия, героев которой Котляревский «переделал» в казацкие костюмы. Так античные боги и герои предстают в украинской поэме в виде бесшабашных казаков и сельских девок, изъясняющихся между собой на крестьянском наречии, причем в весьма энергичных и сочных выражениях. Сам Котляревский, царский чиновник и сын мелкого казацкого старшины, любил поговорить с крестьянами, записывал их суждения и обычаи, вслушивался в их песни и речь. Поначалу он вообще не предназначал свой литературный эксперимент для публикации, и напечатал «Энеиду», лишь уступая настояниям друзей. Но и сам автор не отдавал себе отчета в том, что в языковом и литературном отношении его произведение явилось поворотным пунктом. Ему по-прежнему казалось, что украинский язык (который он очень любил и на котором продолжал писать) годится лишь для комических эффектов. В пригодности этого языка для «серьезной» литературы Котляревский сомневался до конца своих дней.

Большая заслуга в расширении диапазона литературного самовыражения украинцев принадлежала так называемым украинским романтикам, вдохновленным идеей Гердера о творческой роли национальной культуры.

Согласно легенде, украинская проза возникла в результате пари, которое потомок знатного казацкого рода Г. Квитка-Основьяненко заключил с сыном священника, ректором Харьковского университета П. Гулаком-Артемовским. Последний, чувствуя сильное тяготение к украинскому языку и экспериментируя с ним в литературе, все же был убежден, что будущее его безрадостно. Гулак-Артемовский полагал, что ничего серьезного на этом языке написать нельзя, но Квитка-Основьяненко не согласился с ним и решил доказать обратное. В результате в 1834 г. появились на свет «Малоросійські оповідання Грицька Основ'яненка». Эти грустные, сентиментальные рассказы были хорошо встречены читающей публикой, а проницательный О. Бодянский объявил их началом украинской прозы.

Действительно, украинские романтики продолжили дело создания своей литературы. Фактически, ясно выделяются две литературные группы. Первая – это кружок, так называемых, харьковских романтиков, который возник в Харьковском университете. Сюда входили Л. Боровиковский, А. Метлинский, Н. Костомаров и др. Вторая – это галицкие романтики, члены кружка «Русская тройка» Я. Головацкий, И. Вагилевич, М. Шашкевич

Казацкая Украина была излюбленной темой всех харьковских писателей. Они изображали ее в обычной для романтизма манере, пытались, как говаривали в те времена, «уловить печальное эхо славного прошлого». Ярким примером было в этом смысле творчество А. Метлинского, который в предисловии к своему сборнику украинских стихотворений и переводов сравнивал себя с «последним бандуристом», который тихо напевает «песнь прошлого» на «умирающем языке». В течение многих лет Метлинский собирал образцы народной поэзии, в чем ему помогали Николай Белозёрский, Мария Маркович и другие деятели украинской культуры. Эта работа вошла в сборник «Народные южнорусские песни», опубликованный в 1854 г. В предисловии к сборнику Метлинский писал: «Я утешился и одушевился мыслью, что всякое наречие или отрасль языка русского, всякое слово и памятнике слова есть необходимая часть великого целого, законное достояние всего русского народа, и что изучение и разъяснение их есть начало его общего самопознания, источник его словесного богатства, основание славы и самоуважения, несомненный признак кровного единства и залог святой братской любви между его единоверными и единокровными сынами и племенами» [7].

Душою харьковских романтиков был русский филолог Измаил Срезневский. Ему принадлежит издание многотомных собраний произведений и памятников украинской ис-

тории и словесности: «Запорожская старина» и «Украинская антология». Интересную оценку глубокому интересу к украинской народности и ревностному ее изучению со стороны этнически чужих ученых, каковыми являлся и Срезневский, и Костомаров, дал Пыпин: «То обстоятельство, что не-малороссы были ревностными деятелями в области малорусской этнографии и истории, - это обстоятельство, как известно, послужило каким-то образом у врагов украинофильства новым обвинением против него: это будто бы указывало ненормальность движения, поддержанного силами чужих деятелей. ...И приведенный факт доказывает совсем противное, а именно оригинальную силу той местной исторической и этнографической стихии, которая действовала даже на людей ей чуждых, и увлекала их к изучению этой местной жизни. И это нимало не было заблуждением с их стороны: Малороссия - не чужая страна, а свой для нас край, и сделанное ими изучение и усвоение исторического и поэтического наследия есть заслуга для «общерусского» целого [6, с. 93].

Другой кружок украинских романтиков - «Русская троица», образовавшийся в конце 1820-х гг. в Галиции, имела программу национально-культурного возрождения. Группа создавалась в атмосфере романтизма, её деятельность носила славянофильский и демократический характер. Участники его выбрали для себя славянские псевдонимы (Шашкевич — Руслан, Вагилевич — Далибор, Головацкий — Ярослав, его брат Иван — Богдан, Илькевич — Мирослав и т. д.). Девизом группы были слова, которые Шашкевич вписал в общий альбом: «Свети, звезда, на всё поле, пока месяц взойдёт». Наряду с собиранием фольклора, изучением истории края, созданием собственных литературных произведений, члены «Русской троицы» выступали с идеей «славянской взаимности».

В поисках более широкой аудитории украинские писатели часто помещали свои произведения в петербургских и московских изданиях. Многие журналы, причем особенно те, которые придерживались консервативного направления, охотно публиковали украинские стихи и рассказы, даже написанные на украинском языке. Дело в том, что среди русских писателей-романтиков 20—30-х годов XIX в. существовало нечто вроде моды на все украинское. Бурная история и богатый фольклор украинцев вдохновляли их на создание экзотических образов «дикого пограничья». Признавая самобытность Украины, они, тем не менее, рассматривали ее как неотъемлемую часть России и, содействуя развитию «областной» литературы, надеялись тем самым обогатить и расширить «общерусскую».

Украинские литераторы не менее, чем их петербургские и московские коллеги, были убеждены в том, что, культивируя все украинское, они лишь обогащают культурное наследие России в целом. Ни те, ни другие не могли предвидеть каких-либо отдаленных идеологических результатов. Как справедливо заметил Ю. Луцкий: «Если все эти ранние исследования украинской истории и фольклора признать первыми проблесками украинского национального сознания, то следует заключить, что именно они подвели под него крепкий фундамент. Ибо, какая же потребность более настоятельна для возникающей нации, нежели потребность в исторических корнях и культурной самобытности? В поисках своей национальной Идентичности украинцы и занимались какое-то время подобными материями» [9, с.37].

Но если в 1820-30-х гг. изучение исконной украинской культуры не носило политического характера, то в 1840-х гг. начался процесс соединения национальной культуры с политической идеологией.

Диссертация Костомарова «Об историческом значении русской народной поэзии» (1842) знаменовала новый этап украиноведения. Она отражала этнографические стремления автора и обосновывала его опережающую состояние русской этнографии идею о том, что фольклор есть средство изучения «народной истории».

Предлагая изучать народные песни как исторический источник, «как летопись внешних событий», «как отражение народного быта», «как предмет филологический» и, наконец, «как памятники воззрения народа на самого себя и на окружающее» Костомаров сделал беспрецедентно глубокий анализ фольклора, раскрыв диалектическую связь между историческим, общественно-политическим, бытовым и духовно-нравственным его содержанием.

В Киеве вокруг молодого преподавателя истории образовался кружок, состоящий из преданных идее народности и намеревавшихся проводить эту идею в жизнь П. А. Кулиша, Аф. Маркевича, Н. И. Гулака, В. М. Белозерского, Т. Г. Шевченко. Интересы киевского кружка, назвавшегося «Кирилло-Мефодиевским братством» (1847), не ограничивались

пределами только украинской национальности. Члены его, увлеченные романтическим пониманием народности, мечтали об «общеславянской взаимности». В автобиографических заметках Костомаров определит взгляды своих единомышленников как «панславистские мечтания».

Кирилло-Мефодиевское братство имело несколько программных документов, главным из которых являлся составленный Костомаровым манифест «Книга бытия украинского народа». Национальный вопрос ставился здесь в широком контексте панславизма. Документ содержал требование свободного развития культур «всех славянских народов». Более того, предлагалось сформировать славянскую федерацию наподобие Соединенных Штатов Америки, со всеми подобающими демократическими институтами и со столицей в Киеве.

Автор «Книги бытия...» в псевдобиблейском стиле описывал грядущее «воскресение» Украины: восстав из могилы, она призовет братьев-славян, и поднимутся славяне, и станет она свободной республикой в нерушимом славянском союзе. И тогда все народы укажут то место на карте, где обозначена Украина, и рекнут: «Камень, который отвергли строители, соделался главою угла»... Тогда же появился термин «украинофильство», скроенный по аналогии со «славянофильством».

При относительном идеологическом единстве кирилло-мефодиевцы расходились в вопросе, с чего начать. Костомаров полагал, что важнее всего братство и грядущий союз всех славян. Шевченко страстно призывал к социальному и национальному освобождению украинцев. Кулиш подчеркивал необходимость первоочередного развития украинской культуры. Идеология Кирилло-Мефодиевского братства свидетельствовала о появлении новой тенденции: перерождении «культурничающего» украинофильства в сепаратистско-националистическую идеологию.

В одном из докладов министру народного просвещения С. С. Уварову эта тенденция была отмечена: «Малороссияне никак не могут забыть ни своей Гетманщины, ни своей казацкой вольности, ни своих прав, ими потерянных» [9, с.18]. В свою очередь Уваров в письме министру внутренних дел от 27 апреля 1854 г. предупреждал, «чтобы писатели рассуждали возможно осторожнее там, где дело идет о народности или языке Малороссии и других подвластных России земель, не давая любви к родине перевеса над любовью к отечеству — Империи, изгоняя все, что может вредить последней любви, особенно о прежнем, будто бы необыкновенно счастливом положении подвластных племен» [9, с. 20]. Поэтому просуществовавшее чуть более года Кирилло-Мефодиевское братство было запрещено.

Нарождающийся конфликт получил свое отражение в русской прессе. В начале 1840-х гг. вопрос о роли и статусе малороссийского языка привлек пристальное внимание В. Г. Белинского, напечатавшего целый ряд рецензий на появлявшиеся тогда публикации на украинском. В заметке, посвященной сборнику сочинений украинских авторов «Ластовка» и водевилю Основьяненко «Сватанье», он высказал чересчур категоричное мнение о языке и литературе Украины. «Есть ли на свете малороссийский язык или это только областное наречие? Из решения этого вопроса вытекает другой: может ли существовать малороссийская литература и должны ли наши литераторы из малороссиян писать по малороссийски?» [10. Т.4, с.416]. Признавая, что «Малороссия – страна поэтическая и оригинальная», Белинский, однако, утверждал, что, «слившись навеки с единокровною ей Россиею, Малороссия отворила к себе дверь цивилизации, просвещению, искусству, науке, от которых дотоле непреодолимою преградю разлучал ее полудикий быт ее» [10. Т.4, с.416]. Отсюда вытекало и отношение к вопросу о языке: «Мы имеем полное право сказать, что теперь уже нет малороссийского языка, а есть областное малороссийское наречие, как есть белорусское, сибирское и другие подобные им областные наречия. Литературный язык малороссиян должен быть язык их образованного общества — язык русский» [10. Т.4, с.417]. Агрессивной была реакция Белинского и на заявления П. А. Кулиша, автора «Повести об украинском народе»: «Малороссия должна отторгнуться от России или погибнуть». «Ох мне эти хохлы! Ведь бараны — а либеральничают во имя галушек и вареников с свиным салом! И вот теперь писать ничего нельзя — все марают. А с другой стороны, как и жаловаться на правительство? Какое же правительство позволит печатно проповедовать отторжение от него области?» — пишет он П. В. Анненкову в начале декабря 1847 г. [10. Т.9, с.690]. Впрочем, многие из русских публицистов, выражавших скептицизм по поводу будущего украинского литературного языка, были в то же время и издателями малорусской литературы.

Однако один из виднейших славянофилов Ю. Ф. Самарин был не только сторонником сохранения культурной самобытности украинцев, но даже определенной административной обособленности Украины. В дневнике, веденном им в Киеве в 1850 г., он полемизировал с интерпретацией украинской истории Кулишем, считавшим, что Украина в XVII в. могла бы стать самостоятельной, если бы не предательство казачьей старшины, заметив: «Пусть же народ украинский сохраняет свой язык, свои обычаи, свои песни, свои предания; пусть в братском общении и рука об руку с великорусским племенем развивает он на поприще науки и искусства, для которых так щедро наделила его природа, свою духовную самобытность во всей природной оригинальности ее стремлений; пусть учреждения, для него созданные, приспособляются более и более к местным его потребностям. Но в то же время пусть он помнит, что историческая роль его — в пределах России, а не вне ее, в общем составе государства Московского» [11, с.232].

Ограниченный всплеск активности в обсуждении украинского вопроса в 40-е гг. не получил своего развития в первой половине 50-х годов. Члены Кирилло-Мефодиевского общества были отправлены в ссылку, и тактика правительства, решившего «не показывать вида», что проблема существует, срабатывала, пока николаевский режим не рухнул в результате поражения в Крымской войне и связанной с ним, как считали многие, смерти императора.

С началом царствования Александра II, в период либерализации общественной жизни в Российской империи, проблемы народознания приобрели не только историко-культурное, но и политическое значение.

Литература.

1. Гердер, Г.И. Идеи к философии истории человечества. (Памятники исторической мысли) / Г.И. Гердер – М. : Наука, 1997. – 705 с.
2. Костомаров, Н.И. Исторические произведения. Автобиография / Н.И. Костомаров . Режим доступа: <http://litopys.org.ua/kostomar/kos22.htm>
3. Кюхельбеккер, В.К. Сочинения / В.К. Кюхельбеккер – Л. : Художественная литература, 1989. – 576 с.
4. Надеждин, Н.И. Литературная критика. Эстетика / Н.И. Надеждин – М.: Художественная литература, 1972. – 479 с.
5. Чернова, Г.С. У истоков русского народознания. Н.И. Надеждин и идея народности / Кулешовские чтения. Материалы конференции 27-28 апреля 2011 / Г.С. Чернова – Могилев, 2011. С. 309-312.
6. Пыпин, А.Н. История русской этнографии. Этнография малорусская. Т.3 / А.Н. Пыпин – Спб., Типография М.М, Стасюлевича, 1891. – 429 с.
7. Н. Сумцов. Пятидесятилетие сборника Метлинского // Известия Академии Наук, 1904, IX.
8. Луцкий, Ю. Литературная политика в советской Украине, 1917-1934. - К.: Геликон, 2000. - 242 с.
9. Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847). М., 1959. – 309 с.
10. Белинский, В.Г. Собр.соч. в 9 т. / В.Г. Белинский – М.: Художественная литература, 1976-1982.
11. Из дневника, веденного Ю. Ф. Самариным в Киеве, в 1850 году / Русский архив, 1877, № 6.